





## Глава 1

— Странно, что они еще не улетели на зиму.

Джойс Нагроски взглянула на спутника. Тот, стоя на краю пруда, отламывал маленькие кусочки от ломтя белого хлеба и бросал в воду. С полдюжины уток собрались около берега и, вытягивая шею каждый раз, когда рядом падал кусочек, проворно хватали угощение округлыми клювами. Едва хлеб исчезал, утки таращились на людей, жадно и нетерпеливо ожидая следующей подачи.

— Не все утки улетают зимой на юг, — сказала Джойс. — Если холодно не настолько, что лапы замерзают, они могут спокойно дотянуть до весны.

Тед, весело улыбаясь, повернулся к ней:

— А я думал, ты ушла на пенсию. И потом, ты вела английский, а не биологию.

Джойс не смогла сдержать смех:

— Наверное, если человек был всезнайкой, таким и останется.

Даже в свои шестьдесят с лишним Тед Бойкин оставался привлекательным: густая шапка бе-

лых волос, подстриженная бородка в тон и изумительные голубые глаза. Когда Тед работал директором школы, в которой преподавала Джойс, он всегда был гладко выбрит, и хотя Джойс оставалась равнодушна к растительности на лице, ей нравился проказливый вид, который ему придавала бородка. Джойс проработала с этим человеком больше двадцати лет, и хотя она уважала его, считая даже в некотором смысле своим другом, влюблена в него не была. И вот как все обернулось. Жизнь, несомненно, играет с нами забавные шутки. Иногда прямо-таки до истерики.

Стоял вечер раннего ноября, и хотя днем ещё было более или менее тепло, теперь, когда солнце опустилось к горизонту, становилось прохладно. Тед в своей коричневой куртке чувствовал себя вполне комфортно, а вот Джойс перед выходом накинула лишь синюю ветровку, и та не особенно спасала от промозглой сырости, тем более под ней была только футболка. Джойс жалела, что не захватила из квартиры хотя бы шапку или шарф.

«Откуда такая внезапная безмозглость, дорогая? — спрашивала она себя. — Не потому ли, что ты капельку разволновалась перед randevу с мистером Бойкином возле утиногo пруда?»

Джойс хотелось убедить себя, что эта мысль смехотворна. Ради бога, она же не маленькая. Отнюдь не маленькая, если честно: пусть не ростом, так по меньшей мере вширь. А пруд едва ли подходит на роль аллеи влюбленных. И все же она не могла не признать, что какая-то неловкость присутствовала. Джойс была одинока вот

уже несколько лет, с тех пор как умер муж, и, хотя она по нему скучала, за все это время ни разу не почувствовала желания подыскать замену. Но неделю назад она столкнулась с Тедом — чуть ли не в буквальном смысле. Она задним ходом выкатывалась на своем «Вольво» со стоянки перед домом, а Тед в это же время проезжал перед зданием. Он едва успел остановить «Бронко» вовремя, чтобы не вмазаться ей в задок (прислушайтесь к фразе!), и вот тогда-то они и обнаружили, что после смерти супругов оба продали дома и переехали в жилой комплекс «Арбор Вейли». Оказалось, что Тед обитал в соседнем здании уже два года, и никто из них не догадывался, что другой совсем рядом. Мир тесен, и все такое.

На следующий день они встретились за ланчем, а чуть позже — за ужином. За последнюю неделю они встречались несколько раз, но Тед все это время вел себя как истинный джентльмен: не пытался ее поцеловать и даже за руку не брал. Честно говоря, Джойс это даже поднадоело. Она хотела, чтобы поведение Теда наконец сдвинулось с мертвой точки. Сама она отнюдь не была скромницей и сделала бы уже первый шаг, если б Тед не вел себя так осторожно. Джойс все не хотела отпугнуть его излишней прямоотой, типа «Как думаешь, не пора ли нам заняться сексом? Мы все же не молодеем». Почему-то она полагала, что такое не пройдет.

Джойс заправила черную прядь за ухо, хотя нужды в этом не было. Воздух оставался неподвижным, а ее волосы были такой длины, что расчесаться могли едва ли. С самого детства Джойс

была эдакой девчонкой-сорванцом, и сейчас, когда ей не нужно было прилично одеваться на работу, вернулась к тому же стилю. Она предпочитала простую одежду — футболку и джинсы — и не пользовалась косметикой. С недавней поры Джойс начала коллекционировать украшения, она покупала их на аукционах и распродажах по причине, которую не могла объяснить даже себе, но купленное носила редко. Надо было сегодня что-нибудь надеть. Может, если бы Тед нашел ее более женственной, то не держался бы на расстоянии вытянутой руки.

«Или он все еще переживает потерю жены? — задалась вопросом Джойс. — Или по-прежнему видит меня учительницей, а не женщиной?»

И сама удивилась, осознав, насколько последняя мысль угнетает ее.

Пруд располагался за зданиями, у подножия пологого травянистого холма. На другой стороне рос лес из дубов, вязов и рябин, и листва их представляла собой великолепную смесь желтого, красного и коричневого. Листья большей частью ещё не облетели, но Джойс знала, что время листопада не за горами. Еще неделя или две. Она считала осень своим любимым временем года: отчасти потому, что в это время начинались школьные занятия, отчасти из-за энергии, наполняющей холодный воздух. Прекрасный парадокс: мир, готовившийся к временной, приносимой зимой смерти казался ей живее, чем всегда.

«К черту, — подумала Джойс. — Жизнь для живых».

Она шагнула к Теду и взяла его за руку. Джойс почувствовала его напряжение и испугалась, что он сейчас выдернет руку, но Тед расслабился, крепко сжав ее пальцы. Джойс на него не смотрела, и Тед не смотрел на неё, но оба они улыбались, глядя на воду. Тед бросил в пруд остатки хлеба, и утки еще некоторое время сновали поблизости в надежде на добавку, но вскоре смирились с разочарованием. Джойс любовалась отражением деревьев с другого берега, оно расплывалось по воде, словно чернила. Она гадала, есть ли шансы, что Тед поцелует ее позже, а может, и не только поцелует, когда услышала тихий хриплый вой. Вздвогнув от страха, она стиснула пальцы Теда.

Утки встревоженно закрикали, отплыли от берега и одна за другой поднялись в небо, изо всех сил молотя крыльями.

Снова раздался этот звук: низкий рев, будто мотору грузовика срочно понадобился ремонт. Только на этот раз звук, доносящийся справа, был громче и ближе. Когда Тед и Джойс оглянулись, то увидели, как из леса показалась и направилась к ним большая темная фигура на четырех ногах. Двигалось существо с медленной зловещей неспешностью хищника, и Джойс сперва решила, что это койот. В последние годы эти животные появились в Огайо и хотя не распространились повсеместно, но их тут стало больше, чем многие полагали. Джойс никогда не встречала живого койота, если не считать тех, что она видела по телевидению и в зоопарке. Эти звери мастерски скрывались и предпочита-

ли при любой возможности избегать встречи с человеком. Она видела здесь только одного койота — тот лежал мертвый на обочине шоссе, сбитый машиной. Джойс тогда очень удивилась: она не ожидала, что они, оказывается, такие крупные. Местные койоты были лохматее пустынных сородичей, потому, наверное, и выглядели крупнее.

Однако Джойс быстро отмела свое предположение насчет койота. Что-то с этим существом было не так. Сумерки окутывали его, превращая в двигающуюся тень с неровной шатающейся походкой, будто животное было ранено. Только в рычании, которое оно издавало, не слышалось боли, скорее голод пополам с почти человеческой злобой. Волк? Насколько Джойс знала, в Огайо волки не водились. Не на воле, по крайней мере. Может, этого держали в качестве домашней зверушки, а потом он сбежал или его почему-то отпустили. Но в очертаниях зверя не было хищной грации волка, он скорее напоминал собаку.

А потом до Джойс донесся запах, густая вонь мускуса и гниения, от которой подкатило к горлу.

«Боже правый, что это за тварь?»

— Все хорошо, — проговорил Тед.

Его голос дрожал, но он отпустил ладонь Джойс и стал между женщиной и приближающимся созданием. Обычно она терпеть не могла мужчин, которые обращались с ней, будто она какой-то нежный цветочек, требующий защиты, но это... это существо вызвало в ней такой глубокий первобытный страх, что она была благодарна Теду за этот поступок. Наверное, Тед по-

ступил так и для себя, не только для нее. На посту директора он привык быть за все в ответе и разбираться с проблемами. Подобное поведение было эдакой настройкой по умолчанию, привычной, успокаивающей ролью, которую он мог взять на себя в сложной ситуации.

И хотя Джойс оценила его поступок, инстинкты подсказывали ей, что затея неважная. Очень неважная.

Она положила руку Теду на плечо:

— Пожалуйста, не надо.

Тед будто и не расслышал. Вместо этого он шагнул вперед, вытянулся во весь рост, чуть развел руки и сжал кулаки.

«Он пытается казаться крупнее, — сообразила Джойс. — Выглядеть более угрожающим». Ей стало интересно, делал ли он нечто подобное в старшей школе, имея дело с потенциально опасными парнями-подростками. Но, кажется, где-то писали, что становиться лицом к лицу с собакой и устанавливать зрительный контакт считается брошенным вызовом. В таком случае...

Тварь рванулась вперед, ее несоразмерные тловищу конечности двигались с удивительной скоростью, а громовое рычание почти превратилось в рев. Она метнулась так быстро, что в тусклом освещении Джойс разглядела только самые основные детали ее нелепого тела: ноги разного размера, единственное рваное ухо, голую кожу со свисавшими клочками шерсти и, что хуже всего, горбатую морду с пастью, наполненной острыми зубами, которых было куда больше, чем в состоянии вместить рот обычной собаки.



Оказавшись на расстоянии примерно метра от Теда, зверь прыгнул (бледный язык его при этом вывалился из кривой пасти), одним ударом лапами в грудь опрокинул мужчину и прижал его к земле. Падение вышибло из несчастного дух, и Джойс услышала хруст ломающегося ребра, а то и не одного. Сама она успела шагнуть в сторону и избежать падения. Теперь она стояла совсем рядом с Тедом, который боролся со странной собакой, размерами и массой напоминающей сенбернара, но явно не принадлежащей к этой породе. Тварь рычала и щелкала зубами, намереваясь сомкнуть челюсти на горле Теда, а тот обхватил пса за шею, пытаясь удержать его морду на расстоянии. Тед корчился, руки его дрожали от напряжения. Собака была такой крупной, что большинство молодых мужчин не смогли бы с ней справиться, а вся сила, которой Тед обладал в юности, давно ушла. Сейчас он мог полагаться только на адреналин и чистую силу воли, но Джойс понимала, что этого совсем недостаточно. Она боялась, что осталось несколько минут, если не секунд, до того, как гигантская псина переборет его, доберется до шеи и перегрызёт горло.

Часть ее — примитивная животная часть, заинтересованная лишь в самосохранении любой ценой, — больше всего на свете хотела развернуться и убежать с максимально возможной для ее отнюдь не стройных ног скоростью. На самом деле инстинктивно Джойс уже наполовину развернулась и сделала шаг прочь от пруда. Но тут же заставила себя вернуться. Она бы никогда не

простила себе, что убежала и оставила Теда умирать. Надо как-то помочь ему, но как? Джойс не могла просто схватиться со зверем, а из оружия, если можно это так назвать, у нее имелся лишь чересчур острый язык, с помощью которого она порой ставила на место не одного ленивого ученика. Поэтому, за отсутствием в своем арсенале чего-то более подходящего, она набрала воздуха в грудь и голосом, который коллега как-то назвал «Голос Непререкаемого Авторитета», выкрикнула одно-единственное слово:

— Фу!!!

В зябком осеннем воздухе это слово прозвучало, словно удар кнута, и над прудом откликнулось эхом. Собакоподобное создание прекратило рычать, оглянулось и посмотрело на нее со смущением и, кажется, ноткой страха во взгляде. Джойс показалось, что она этим словом затронула что-то в самой глубине зверя, нечто, подсказывающее ему, что люди занимают более высокую ступень эволюционной лестницы, а потому являются хозяевами. Тварь опустила взгляд, спрятала хвост — голый придаток, который больше подошел бы для гигантской крысы, — между ног и тихо заскулила.

Тед, которого команда Джойс озадачила так же, как и собаку, ослабил хватку сомкнутых рук на шее животного. Внезапно верхняя губа несуразной твари обнажила зубы, а замешательство во взгляде сменилось ослепляющей яростью. Она стряхнула с себя руки Теда и с рычанием рванулась вперед.

Джойс завизжала, когда исполинская собака вонзила клыки в шею Теда и начала трясти его,

как игрушку. Тед широко распахнул глаза от ужаса и боли, но из открытого рта не вырвалось ни звука. Через мгновение Джойс стало ясно почему: вверх фонтаном взметнулась густая кровь. Она побежала из уголков рта Теда, окрасила его белые волосы алым и впиталась в землю. Джойс хотела завизжать снова, но вопль застрял в горле. Происходило что-то странное. Сначала она подумала, что дело в игре угасающего света, но бело-розовая кожа Теда бледнела, приобретая синевато-серый оттенок. Более того, сама кожа будто съеживалась, обтягивая кости, мышцы и жир таяли, и Тед на глазах превращался в мумию, только что без бинтов. Джойс некстати вспомнила одно из последних путешествий, в которое они отправились с мужем до того, как рак поставил точку на подобных вылазках. Они разбили лагерь в Хокинг-Хиллс<sup>1</sup> и вместо спальных мешков взяли внушительных размеров надувной матрас. К нему прилагался насос на батарейках, который надувал их спальное место за считанные секунды. Сдувался матрас таким же образом, после он лежал совершенно плоский, чуть закручиваясь по краям, весь в складках. В точности так сейчас выглядел Тед: сдутый серый матрас со скелетом внутри.

Чудовищная собака не расцепляла челюстей, и Джойс увидела, что кровь, размазанная по лицу Теда и морде пса, тоже исчезает. Как будто тварь высосала жизненную энергию, втянула

---

<sup>1</sup> Национальный парк в Огайо, США. (Здесь и далее прим. перев.)

в себя и не собиралась отпускать Теда, пока не осушит его до последней капли. Наконец, она высвободила зубы из иссушенной плоти и обратила внимание на Джойс.

Джойс услышала, как кто-то шепнул: «Беги!», и лишь секунду спустя сообразила, что шепот принадлежит ей самой. Собственный голос помог ее преодолеть оцепенение, она повернулась и побежала.

Холм, на котором стояли здания, не был крутым, но Джойс находилась не в лучшей форме. В молодые годы ее физическая нагрузка включала в себя лишь ленивые прогулки по парку, а сейчас она только по антикварным магазинам и ходила. Адреналин мог разве что скомпенсировать преимущественно малоподвижный образ жизни, сердце сбивчиво грохотало в ушах, а легкие горели, словно в огне. Ноги отяжелели и дрожали, и с каждым шагом все больше. Наконец, правое колено не выдержало, нога подвернулась, и Джойс упала. Она приземлилась на бок, проскользила пару метров вниз по склону и замерла. Так она и лежала: пульс бешено колотился, легкие ныли, и не оставалось больше никакой надежды сбежать от ужасного пса (можно подумывать, надежда когда-нибудь была). Джойс зажмурилась и приготовилась к тому, что зубы твари вопьются в горло.

Но ничего не почувствовала.

Джойс открыла глаза и села. Оглянулась на пруд, гадая, что случилось. Может, тварь что-то спугнуло? Или она просто наелась? В какой-то момент Джойс поверила, что выживет, но потом